

Ольга Громыко

Птичьим криком, волчьим скоком

*Часть сборника
Фэнтези – 2007*

Грань

Ольга Громыко

Птичьим криком, волчьим скоком

«Автор»

2006

Громыко О. Н.

Птичьим криком, волчьим скоком / О. Н. Громыко — «Автор»,
2006 — (Грань)

На прекрасном и богатом рыбой озере начинают исчезать люди. Местный воевода посылает кметя Жалену разобраться в этой истории. После долгих попыток найти правду, Жалена вынуждена обратиться к ведьмарю Ивору.

© Громыко О. Н., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Ольга Громыко

Птичьим криком, волчьим скоком

Браславским озерам посвящается

В лесу шел дождь. Мелкий, осенний, ненавязчивый, только и гораздый пошуршать хвоинками на раскидистых еловых лапах, не пропускающих к земле ни капли. Да и полно ее мочить, и так напилалась под самые маковки мха, в лаптях версты не пройдешь – отсыреют.

Тихо в лесу, мрачно, слякотно. Солнце день-деньской непогоду за тучами коротает, птичьих голосов уж две седмицы¹ не слышать, даже воронье к человеческому жилью на промысел подалось – подбирать оброненные зерна на полях и подле веялки. Опали листья – и затихла в лесу жизнь, расплзлась по щелям-норам, затаилась до первого снега. Даже лешему не в охотку ухать да путать тропинки.

Девушка обогнула корч по солнцу,² придержала рукой мотнувшийся, бряцнувший по бедру тул. За спиной у путницы висел лук в налучьи, у второго бедра – длинный узкий меч в кожаных с деревом ножнах. Из-под меховой безрукавки серебристо струились кольчужные рукава. Высокие кожаные сапоги беззвучно вминали листву, оставляя смазанные следы. Было видно, что девушка привыкла к долгим переходам, о коих постороннему знать вовсе не надобно. Она не кралась и не таилась, шла с гордо поднятой головой, но многолетняя привычка сама подбирала ногам свободное от хрустких сучков и шишек местечко, тянула к деревьям, за которыми можно укрыться от неожиданного противника, заставляла кланяться паутине, выплетенной меж соседних стволов, чтобы колышущиеся на ветру обрывки не обозначили ее пути.

Лесные травы, поутру обожженные инеем, распласталась по земле редкими вялыми пряжами. Девушка поежилась. Ей было зябко, несмотря на шерстяную поддевку и кожаные штаны, одетые поверх полотняных. Из рта шел пар, перемешиваясь с висевшим в воздухе маревом. Сапоги потихоньку промокали, вода исподволь пропитала онучи и уже начала негромко похлопывать, грозя вскорости перелиться через верх.

Надо бы отжать да перемотать, решила девушка и, не откладывая, присела на первый же камень, снизу вызелененный плесенью, сверху выбеленный солнцем и ветрами. Взясась за пятку сапога... и тут что-то свистнуло над ее головой и ушло в чащобу. Стало слышно, как, шурша, вдали опадают на землю еловые иглы и крошки коры.

Девушка кубарем скатилась с камня. Прижалась плечом к холодному гладкому боку, осторожно выглянула, положила руку на меч. Уж она-то, кмет³ семилетней выучки, не с чем не могла перепутать скользнувшую мимо виска стрелу!

В лесу по-прежнему было тихо. Никто не бежал прочь, страшась мести. Никто не выглядывал из схорона⁴, интересуясь судьбой оперенной свистуни. Непроницаемая гуща кустов тянулась на сотню шагов вширь и леший знает сколько вглубь леса, и неведомый стрелок затаился в ветвяном сплетении, выжидая.

Девушка вдвинула меч обратно в ножны, села и стащила сапог. По очереди выкрутила онучи, раздумывая, что делать. Щита у нее не было, лезть же в кусты с мечом против лука – верная гибель. Да и вряд ли сыщешь лиходея в эдаких зарослях, пройдешь в двух шагах и не заметишь. А может, и не лиходей то вовсе, а недотепа-охотник. Пустил стрелу на шорох, а потом разглядел человека и с испугу драпанул куда подальше.

¹ недели

² слева направо

³ воин

⁴ засады

Девушка развернула онучу, встряхнула и принялась наматывать на ногу. Мокрая, застуженная ветром ткань пока больше холодила кожу, чем согревала. Ладно, не век же тут сидеть. Кметка присмотрела подходящее дерево, и, не разгибаясь, прыснула за него. Оттуда – за другое, подальше от кустов. Выглянула из-за ствола – так никто и не показался, не выдал себя ни единым звуком. Она еще немного попетляла меж стволов, потом снова пошла ровным шагом, готовая упасть навзничь при малейшем шорохе.

Но больше в нее не стреляли.

Последнюю четверть версты она шла на стук топора. Лес, обобранный листопадом, с жадной радостью подхватывал любой звук, разнося далеко окрест по желобам оврагов. Издали топор звучал звонко и грозно, словно неведомый рубщик вознамерился свести лес на корню, но чем ближе подходила кметка, тем глуше и обыденнее стакивалось железо с мертвой древесиной.

Он стоял к ней спиной – обнаженный до пояса мужчина, сделавший короткую передышку, чтобы утереть пот со лба и собрать в кучу разлетевшиеся по прогалине поленья. Он? Не он? Не больно-то похож... Невысокий, худощавый, с заметно выпирающими лопатками. Светлые волосы до плеч. На шее болтается какой-то оберег, сзади виден только узелок шнура.

Мужчина поставил на колоду толстый березовый чурбан, замахнулся и всадил лезвие до середины. Взбугрив мышцы, поднял колун вместе с бременем, перевернул и с размаху ухнул обухом по плахе. Чурбан, треснув, распался на половинки, бледно-золотистые на сколе. Рубщик подобрал ближайшую, заново уложил на колоде.

«Нет, не он», – окончательно уверилась девушка, и только собралась неслышно отступить, как мужчина, по-прежнему не оборачиваясь, негромко спросил:

– Чего тебе надо?

Она вздрогнула, как от неожиданного прикосновения к плечу. Покрутила головой.

– Ты, ты, – неумолимо продолжал он. – Выходи на свет.

Колун взлетел и опустился. Мужчина нагнулся, отбросил поленья к куче. Обернулся. Оберег был диковинный – круг, а в нем – меч торчмя, острием вниз. Вот диво: литье цельное, а потускнело неровно, ровнехонько пополам. Одна кромка лезвия вышла черной, другая светлой.

Она подошла, стала в трех шагах. Было бы кого бояться, не таких лбов с одного удара укладывала! Грубовато поинтересовалась:

– Ты, что ль, ведьмать?

Колун глубоко ушел в колоду. Гостья вздрогнула, рука дернулась к мечу.

– Люди и так говорят, – уклончиво ответил мужчина. – А тебя что за Кадук⁵ принес?

Серые глаза. Темно-русые волосы заплетены в короткую толстую косицу, перекинутую вперед и мало не достающую до груди. Лицо худое, обветренное. Тонкий нос с едва приметной горбинкой. И снова глаза – тоскливые, колючие глаза разочарованной в жизни и любви женщины. Такая убьет, не раздумывая. И, не раздумывая, закроет собой от удара вражьего меча.

– Ты говори-то да не заговаривайся, – запальчиво пригрозила кметка. – А не то...

– Что? – с ленивым интересом уточнил он.

⁵ злой демон

Она попыталась прожечь его гневным взглядом, но опалилась сама. Глаза у ведьмаря были обычные, серо-голубые, но смотреть в них почему-то не хотелось. Начинало затягивать, как в омут, подкашивались колени, отнимался язык. Все бы отдала, лишь бы отвернулся.

Он оглядел ее с головы до пят, вернулся к поясу. Долго не мог понять, что смущает, потом догадался. Тул у левого бедра. Меч у правого.

«Левша. Все, не как у людей, – с легким недовольством подумал он. – Сколько ей лет? Двадцать пять? Двадцать семь? У иных уже сопляков полная хата, а эта все в кметей играет...».

– Я княжий кмет. Старший кмет, – свысока, руки в боки, бросила она. – Можешь звать меня Жалена.

– Пока что я тебя не звал. – Он отвернулся, выдернул колун и потянулся за второй половинкой чурбана. Раскроивший ее удар помстился пощечиной.

От такой неслыханной наглости у Жалены побелели скулы. Старшего кмета – да поравнять с пустым местом?! Эх, кабы не воеводин наказ...

– Ты уж позови, сделай милость, – сухо сказала она, и, оглядевшись, присела на пенек. Любо смотреть, как колет дрова привычный к работе человек. Словно играючи колуном помахивает, а чурбаны сами перед ним раскрываются, сверху донизу трескаются. Видно, как змеятся по расколу омертвевшие жилы дерева, чернеют ходы суков.

– Помоги дрова донести. – Как ни в чем не бывало кивнул он на дровяную горку. Подобрал с земли серую льняную рубаху, встряхнул и натянул. Заткнул колун за пояс.

Кметка молча нагнулась, загребла, сколько влезло в охапку. Ведьмарь подобрал остатки – вышло чуть меньше, – ловко обогнул девушку и пошел вперед, показывая дорогу.

Кабы давеча взяла Жалена чуть правее – вышла бы прямехонько к избушке, маленькой, обветшалой, со следами пожара на подставленном лесу боку. Недавно перекрытая крыша золотилась свежей соломкой даже под хмурым осенним небом. Грозно и остро веяло горелым, валялась поблизости обугленная, изъеденная огнем балка.

Ведьмарь, не утруждаясь, пнул дверь ногой, и та распахнулась внутрь. Стало видно, как сильно она перекошена в косяке. Одна петля вырвана, в ушке болтается здоровенная щепка, покривленная щеколда только делает вид, что исправно службу служит – выбивали ее, что ли?

Жалена на всякий случай прижала локтем болтавшийся у пояса оберег-уточку, переступила порог, любопытно покрутила головой. Пустоватые у ведьмаря сени, пара кринок да кадушек, тряпье какое-то, несколько заячьих шкурок на распорках подсыхают, к чердаку приставлена лестница, выглаженная руками до червонной желтизны.

Ведьмарь ловко поддел коленом крюк на внутренней двери, привычно поклонился низкой притолоке и вошел, оставив дверь нараспашку. В избе тоже не было ничего интересного – печь с полатами, плетеный ларь для хлеба, стол, стул да лавка. Откуда-то сбоку выскочила угольно-черная кошка, покрутилась под ногами, обнюхала сброшенные в угол дрова, потом вскинула глаза на ведьмаря и вопросительно мяукнула. Глаза были желтые, пронзительные. Звериные, а смотрят по-человечески, аж дрожь берет. Мужчина подхватил кошку на руки, и та, примостившись на его груди, вытянула шею и потерлась усатой мордочкой о колючую хозяйскую щеку.

– Ну садись, коль по своей воле пришла. – Ведьмарь показал рукой на лавку и Жалена, помедлив, осторожно опустилась на краешек. Не удержалась от улыбки – кошка прискучило сидеть на руках и она стала сползать по ведьмарю, как по столбу – задом, опасно оглядываясь. Рубаха потрескивала под когтистыми лапками. Спустилась до колен и лишь тогда, извернувшись, спрыгнула. Встряхнулась и пошла, как ни в чем ни бывало, за печь.

Ведьмарь подтянул к себе стул и сел лицом к гостье, упершись руками в разведенные колени. В серо-голубых глазах – словно мелко растрескался скальный гранит сапфирными жилами – проскакивали насмешливые искорки.

– Ну, чего тебе от меня надобно, красна девица?

– Воевода Мечислав велел к тебе обратиться, если потреба в том будет... добрый молодец. – угрюмо добавила она, не умея заискивающе вилять хвостом перед нужными, но хамоватыми людьми.

Он подался вперед.

– И что же за потреба твою шею перед моей гнет?

– Водяницы⁶ в Лебяжьем Крыле селянам прохода не дают. – Жалена вызывающе выпрямила спину. – К берегу ближе чем на полет стрелы не подпускают, заманивают да топят. Ни днем, ни ночью не унимаются.

– Давно? – Он удивился, но не показал виду. Время русалочьих шалостей давно миновало, предзимье уже сгустило воду и опалило камыши, затворив в непромерзающих омутах рыбу и прочую озерную живность, а с ними и водяных-водяниц.

О Лебяжьем Крыле всегда ходила дурная слава. Старожилы не помнили года, чтобы на зорьке не сыскалась в камышах три дня гостевавшая в омуте утопленница. Со всей округи сбегались горемычные девки, не иначе.

Озерные берега сильно разнились: один ровнехонький, пологий да песчаный, а другой затоками изрезанный, чисто крыло птичье. И водилась на том озере пропасть лебедей – горластых, нахальных, гораздых плыть за лодками и шипеть на рыбаков, выпрашивая хлеб для серых нескладных птенцов. Рыба на Крыле бралась хорошо, только успевай наживлять крючки червем для лещей, плотвы и красноперок, а если повезет, то и матерую щуку на живца взять можно. Береговые селения кормились с того озера и зимой, и летом.

– Почти с самого душегубства... – Жалена понемногу разговорилась, да и ведьмарь кончил насмешки строить – сидел, внимательно слушал, не перебивая. И глаза – аж не верится! – больше не жгли, не кололи, смотрели понимающе, подбадривая рассказчицу. – Три седмицы назад труп на берегу нашли – торгаша заезжего, рыбу вяленую да копченую на продажу в городе скупал. Последний раз видели его в Ухвале видели, ну, селении на горوشке перед второй затокой.

Ведьмарь кивнул. Он бывал в Ухвале. Полдня пешим ходом.

– Водяницы защекотали?

– Нет. Топором голову располовинили. Телешом лежал. Видать, деньги в одежду зашил, а убийце несподручно было ее на месте потрошить, целиком спорол да унес. – Жалена заметила, что кошка снова сидит рядом с лавкой и слушает, насторожив уши. – Купец в Ухвалу с женой приехал, на телеге о двух конях. Купить ничего не успел, только сторговался со старостой на три пуда вяленого леща да попросил слух о себе пустить, чтобы люди угрей копченых ему несли. Жена убивалась сначала, как его нашли, плакала, волосы на себе рвала, лицо царапала. А на другой день сама исчезла, как в воду канула. Может, и впрямь канула с горя. Полгода назад свадьбу сыграли, любовь, поди, еще остыть не успела...

– В озере не искали?

– Какое там искать! – махнула рукой Жалена, войдя во вкус повествования. – Подойти бояться. Пятерых за два дня не досчитались, потом умнее стали, на озеро – ни ногой. Ну, по берегу, может, всей толпой и прошлись, а на лодках выходить не отважились.

Ведьмарь помолчал, потирая пальцем переносье. Непонятно было, заинтересовал его рассказ, или сейчас равнодушно молвит: «Ну и что? Я-то тут при чем? Или топор мой поглядеть пришла – не в крови ль?»

– Тебя воевода отрядил убийцу искать? – в лоб спросил он.

Жалена потупилась. Понятное дело, никого она не нашла. Две с половиной седмицы прошло, труп сожгли, следы затоптали, многое из виденного и слышанного подзабыли. Так и сгинул бы человек бесследно, не будь украденные у него деньги княжым задатком за угрей

⁶ Русалки

копченных, до которых князь охотник великий. Князь воеводе, воевода старшине, старшина кмету: сыщи, мол, прохвоста, живым или мертвым. Сыскать-то сыскала, а вот куда княжья козна запропала – одни водяницы знают.

«Женщину старшина послал, – подумал ведьмарь. – Расчетлив. Мол, сыщет – обоим хвала, а не сыщет – что с нее, бабы, возьмешь? Опять же – кому, как не бабе, ведьмаря улещивать?».

Подумал – и ухмыльнулся своим мыслям. От такой дождешься ласки, держи карман шире. С ее норовом скрипучие двери не подмазывают – выбивают с размаху.

– С утра выйдем, – сказал он, оканчивая так толком и не начатый разговор. – Хочешь – ночуй в сенцах, там дерюжка в углу лежит, я еще кожух старый дам подстелить; не любо – иди в деревню, до темноты успеешь.

– И без кожуха твоего не замерзну, – бросила уязвленная кметка. В деревню, вот еще! Думает: бояться его тут, аж зубы стучат. В избу небось не позвал.

До темноты она размялась с мечом на полянке перед избушкой (пусть смотрит, остережется руки распускать!), потом поужинала на крылечке остатками захваченной из деревни снеди, посидела, прислушиваясь к далекому вою волков, пока не озябла.

Ведьмарь больше во двор не выходил, светца не запаливал, протопил только печь. В сенях потеплело. Жалена сбросила кольчугу, на ощупь нашла и расстелила коротковатую дерюжку, улеглась поперек сеней.

Кожух он все-таки вынес, повесил на перекладине лестницы и так же молча ушел в избу, притворив за собой дверь. Жалена упрямо поворочалась на жестком полу, потом не выдержала – взяла и постелила кожух мехом вверх, укрылась полой. Сразу стало мягко и уютно, словно не в лесной сторожке ночь коротаешь, а на лавке в родной избе. Мех был волчий, потертый, но все еще густой, теплый, пушистый. От него чуть приметно пахло лесным зверем.

Думала – до утра глаз не сомкнет, ан вот пригрелась и тут же уснула.

Разбудил ее ветер, зябко пощекотавший за ухом. Жалена подхватила, сонно протирая глаза, и выругалась про себя – ведьмарь, давным-давно поднявшись и снарядившись в дорогу, сидел на пороге, подпирая спиной косяк. Полбеда, что прежде нее проснулся, а вот как дверь в сенцы открыл неслышно? Переступил через нее, спящую? Да ее отроки дружинные «псицей недреманной» прозвали! Знали – этой кметке во сне лицо сажей не измажешь, в косу репьев шулки ради не приплетешь. Подпустит на руку вытянутую, да как за цопнет за эту руку, как выкрутит – потом седмицу все косточки ныть будут.

«Постарела псица» – с досадой подумала она. – «Нюх потеряла».

Ведьмарь подвинулся, пропуская девушку. Возле порога уже стояла заготовленная для мытья кадушка с водой.

«Еще и к ручью успел сбегать!» – ужаснулась кметка. – «Только что не сплясал вокруг меня, а я знай носом посвистывала, как пшеничку продавши!»

– Доброе утро, – неожиданно приветливо сказал он, поворачиваясь к девушке лицом.

– Доброе... – смущенно отозвалась Жалена, бросая в заспанное лицо пригоршню воды. Ох, и холодная же! Словно из-под льда начерпал. Оно и к лучшему – сон слетел, как льняная шелуха на веялке, прояснилось в глазах и голове. – Идем, что ли?

– Сейчас. – Он на короткое время исчез в избе, а вернулся с кошкой в перекинутой через плечо котомке. Кошка беспокойно перебирала лапами, порываясь выпрыгнуть и юркнуть обратно под печь, но ведьмарь надежно придерживал ее рукой.

– Ее-то зачем с собой тащишь? – развеселясь, усмехнулась Жалена. – Это собака дом по хозяину выбирает, а кошка – хозяина по дому. Ей дом люб, а не ты на лавке. Пусть бы сидела себе под печью, мышей ловила.

– Она не ест мышей, – спокойно ответил ведьмарь. Кошка, отчаявшись вырваться, спряталась в котомке с головой и притихла. – А кормить ее, кроме меня, некому. Если не вернусь – она взаперти от голода умрет.

– Ну, дело твое... – развела руками кметка.

– Мое, – подтвердил ведьмарь, притворяя за собой дверь. Жалена мельком увидела висящий у него за спиной меч – по рукояти видать, старинный и не раз в бою опробованный. Мало кто из старшин, не говоря уж о кметах, мог похвалиться мечом из кричного железа. Высоко они ценятся здешними дружинниками, а уж иноземные купцы с руками оторвут, только предложат. Не простое то железо. Летом, когда подсыхают болота, кузнецы-умельцы слоями срезают побуревший и слежавшийся за века мох, складывают в печи, перемежая древесным углем, пропаливают, и остается вместо рыхлых кирпичиков тонкая железная паутина, наподобие клока шерсти. Паутину ту мнут в комья, бросают на наковальню и куют мечи, равных которым не сыщешь ни в пыльных степях – родине кривых сабель-ятаганов; ни в стране вечных снегов, породившей тяжелые мечи в человеческий рост – не всякий воин одной рукой удержит; ни под заходящим солнцем, где клинки легки и режут лист на лету. Но ни один меч в мире устоит против удара настоящей кричницы. Тысячи нитей в ней сплелись, тысячи лет, тысячи сил. А против тысячи одной полосе стали не выстоять, даже самой закаленной.

Кроме кричницы, ведьмарь не взял никакого оружия.

Не стал оскорблять ее недоверием.

Жалена шла впереди, не оборачиваясь, и мрачно кляузничала сама себе на ведьмаря: «Он-то небось поел перед дорогой... выпался на мягком... теперь еще тропу ему торь. Пустил вперед себя нездешнего человека – вот собьюсь с пути, уткнусь в бурелом или болото, потом намаемся обходить...».

Думалось все это больше для порядка. Есть Жалена не хотела, выпалась отменно, а позавить единожды пройденную дорогу ей не удалось бы при всем старании.

На самом-то деле кметка торила путь только для себя, потому ведьмарь и не вмешивался. Ему-то самому – что овраг, что бурелом, что болото, что ручей без кладки – без разницы. Не пройдет человек – проскачет волк, взбежит по выворотню пятнистый лесной кот, взовьется над трясиной ворон. Бездорожье люди придумали, зверю всё дорога. Ну так и пусть идет, как ей удобнее, а он следом.

К полудню немного потеплело. Растаял иней, ожила вода в подмерзших было лужах. Темные низкие тучи кружили под брюхом серой облачной пелены, застывшей небо и солнце. При их приближении падала на землю черная тень, грозная и хищная, как от ловчего сокола, взъярлся полуночный ветер, с воем пронизывал одежду насквозь, норовя запустить ледяные когти в самое сердце, из тропы вырастали пылевые вихори в человеческий рост, верещали и царапались острыми коготками кружившие в них нечистики, швыряли песок в глаза. Тучи все не решались сыпануть снегом, уходили ни с чем. Рано еще землю хоронить, не долетит до нее первый снег, растает под теплым дыханием.

За все время они с ведьмарем не перемолвились ни словом, и Жалена вдруг поняла, что ее смущает. Она не слышала шагов за своей спиной. Куда подевался этот леший? Неужто под-

шутил над девкой и тайком отстал, раздумав помогать? Кметка резко остановилась, раздраженно глянула через плечо.

И чуть не ойкнула, когда в шаге за ней послушно остановился ведьмарь.

– Почто крадешься, людей честных пугаешь? – в сердцах ругнулась она.

– Я иду, – спокойно ответил он. – Иду, как могу. Хочешь, буду палкой по стволам колотить? Или посвистеть тебе?

– Не надо, – устыдившись, уже тише сказала она. – Извини.

Он беззлобно покачал головой и пошел рядом, все так же молча и бесшумно. Жалена смотрела ему под ноги и только дивилась, как мягко ступает ведьмарь – ровно волк на мохнатых лапах.

«Что толку против такого в карауле стоять?» – с досадой подумала женщина.

– Шел бы к воеводе на службу, – предложила она. – Дозором ходить.

– Мне своего дозора хватает, – искоса глянул на ходу ведьмарь.

– За кем?

– За всем, – коротко ответил он, ловко перескакивая выглянувший из земли корень.

Сказал – как щенка любопытного по носу щелкнул. Жалена в который раз дала себе зарок держать язык за запоре, а руки за поясом – так и чесались отвесить затрещину охальнику. «Бирюк, он бирюк и есть – сколь ни пытай, путного ответа не добьешься».

«Девка, она девка и есть, – в то же время подумал ведьмарь. – Не дождешься от нее ни речей путных, ни вопросов».

Посмотрел на нее еще раз и заключил: «Да и вообще ничего не дождешься, кроме затрещины...».

Повеяло жильем – печным дымом, свежим навозом, горьким запахом высоких бордово-розовых цветов, что поздней осенью распускаются перед каждым воротами; последними зацветают и первыми пробиваются из-под снега. Понюхаешь – и во рту становится горько, а в груди – легко и просторно, словно юркнул туда живой холодный ветерок. В родных местах Жалены их незатейливо кликали горьчками.

Впритык к озерному берегу, вестимо, домов не ставят: как есть слижет по весне шкодливый паводок, да и в урочное время года земля не шибко завидная – горки да буераки, пески да глины, поля не вспашешь, скотину не выкормишь, даже погребом добрым не обзавестись, со дна ямины тут же вода проступает, а то и ключом бьет. Вот и разделяет Крыло и Ухвалу верста лесом, да каким – дремучим, нехоженым. У каждого рыболова своя тропка к берегу, свое местечко заповедное; от чужого глаза спрятана в камышах просмоленная лодчонка, для надежности – с вынутыми и отдельно схороненными веслами. И хотя все давным-давно знают, кто, где, как, что и на какую наживку удит, но виду не подают и, на чистой воде встретившись, даже не здороваются: а ну как подумает водяной, что вместе пришли, и разделит положенный улов на двоих? Только мальчишки с крыгами и топтухами сообща затоки баламутят, мелочь для уток промышляют.

Зато уж потом, как сдадут бабам улов и соберутся вечером на посиделки, такие байки травить начнут – только держись! И как только лодка не перевернулась, как хвостом ее не перешиб сомище семипудовый, на леску о трех волосьях клюнувший, да, экая досада, в пальце от борта сорвавшийся!

Миновали последний перелесок, и селение легло перед ними, как на ладони: три дюжины дворов с вымощенной досками улицей, к которой петляющими змейками сбегались узкие тропки от хаток.

Жалена уверенно повела вдоль заборов, дощатых и плетеных, перевитых жилами сухого выюнка с черными коробочками семян. Убранные поля больше не требовали заботы, скотина не находила травы на заиндевевших лугах, к озеру было не подступиться, и сидевшие по домам селяне занимались скопившейся за весну, лето и осень работой: женщины сучили нитки, пряли шерсть и лен, шили, вязали, мужчины мастерили всевозможную утварь из дерева, кожи и глины, старики плели лапти, тешили внучков сказками да былинами. И теперь все, от мала до велика, высыпали за порог, чтобы подивиться на Жалену и ее спутника.

Им обоим было не привыкать к испытующим, недоверчивым взглядам, они просто не обращали на них внимания, уверенно шагая к дому местного старейшины.

Двор был веночный, замкнутый: жильё и прочие пристройки – изба, сенцы, баня, поветь, клеть, погреб, хлева и гумно – размещались по кругу. Единственный проход между ними стерегли глухие крытые ворота. И горьчцы – высокие, в пояс. Узкие резные листья, прихваченные ночным морозцем, почернели и скрючились, ломкими хлопьями пепла осыпаясь к подножию куста, где упрямо курчавились зеленые молодые побеги, что перезимуют под снегом и тронутся в рост с наступлением тепла. Цветы, собранные в широкие метелки, ярко багровели на голых стеблях, как выступившая из ран кровь. Уже и стебель почернел на изломе, а цветы все не желают мириться с неотвратимой гибелью, еще долго будут светиться из-под снега живым огнем. За то и любят сажать их на воинских курганах. Жалена мимоходом огладила встрепанные лепестки, вспомнила те, другие, что уже семь лет берегут покой самого главного в ее жизни человека, вдохнула горьковатый аромат, и что-то горько и тревожно защемило в груди, обернув выдох беззвучным всхлипом. Не сберегла. Ни его, ни драгоценного дара, наспех переданного на прощание. Теперь плачась, дура, распускай сопли о несбыточном...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.